

О четырёх ветрах

Иногда подтверждаются сводки.

Дует северный ветер Чукотки.

И гусей пролетающий клин

Эскимосам кричит: «Эйгынлин».

«Керальгин» – это западный ветер.

Можно ставить в промоины сети.

Льды уходят, на волнах дрожа,
Можно нерпу поймать и моржа.
«Ыненнан» – ветер ласковый юга
И мошки почерневшая вьюга.
Сыта рыба, и сытый рыбак,
И курорт для рабочих собак.
Соберёт эскимосов всех срочно
«Никеен» – это ветер восточный.
Посмотреть на гренландских китов
Каждый житель Чукотки готов.

1

Одиночество

Одиночеству песня – товарищ.
Красота от небесных пожарищ.
День и ночь полыхают огни.
Греют душу не тело они.
Тело греет лишь только одна,
У которой лицо, как луна,
Как у нерпы, красивый нос,
Запах нерпичий чёрных кос,
И впиваются в сердце и в вас
Очень острые лезвия глаз.
Обнимают не руки, а ласты,
И тогда тело тает от ласки.
Оло –ло, оло –ло, оло – ё!
Через месяц увижу её.

2

По зимнему Анюю

Большой Анюй впадает в Колыму.
Замёрз Анюй, я еду по нему.

По ледяной дороге нарт раскат,
И подо мной застывший перекат.
Мои собачки весело бегут,
Учительницу русскую везут.
На эту куклу посмотрели б вы:
Нос кулика, глаза большой совы,
Белее снега кожа на лице,
И нет фигуры – мощи в пальтеце.
Писклявый голос очень надоел,
И я её в свою доху одел.
Одел, и всё равно она дрожит.
Везу. Из Пятистенного сбежит.
Машу остолом. Связка мчит быстреей.
В селе никто не женится на ней.

3

Упряжка

Барханы белого песка.
Упряжка: о – го – го!
Я чётко вижу вожака
И чувствую его.

Бегут ведущие за ним,
Бегут коренники.
Слагают свой собачий гимн
Собачки-бурлаки.
Вожак красив, вожак высок,
На то он и вожак.
А снег колючий, как песок,
Точнее, как наждак,
Стирает лапы, когти рвёт,
Картечью режет грудь.
Уверенно вожак ведёт,
Но бесконечен путь.

4

Измена

Прошло два месяца, и я
Замкнул Полярный Круг.
– А где же девушка моя?
– На ней женился друг.
В оленье стойбище увёз.
Теперь хоть волком вой.
Не уберёг её мой пёс,
Мой пёс сторожевой.
Его я тоже не нашёл,
И стало мне ясней,

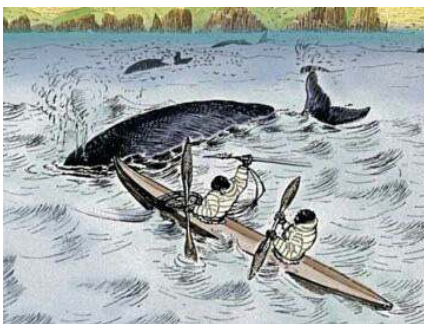
Что из яранги он ушёл
В оленьё стадо с ней.
Я одинок, и потому
Яранга холодна.
И светит другу моему
Её лицо – луна.

5

Яранга

За ярангой пришёл пароход.
Про музей говорит капитан:
«Ждёт ярангу в музее народ,
Ждёт ярангу большой Магадан».
Сами видят чукчи размах.
Вместо стойбища стало село.
Все живут в деревянных домах,
И тепло в них жить и светло.
Помогаю ярангу свернуть
И на палубе уложить.
Провожая в последний путь.
В Магадане теперь ей жить.

6

Охота на кита

Двенадцатикратный бинокль морской.
Смотрю я в него: ледяной припой,
Правее – вода морская кипит.
И разрывается сердце – кит!
Более месяца ждали его.
У зверобоев в глазах торжество.
Моржовые лодки бесшумно пошли,
И зверобои ловко гребли
И обошли ледяные места,
Взяли в кольцо китобои кита.
Множество выстрелов, три гарпуна,
Кровь на воде и ... тишина.

7

Буксировка кита

Чтоб вытащить тушу, много забот.
К трофею отправился с чалками бот.
Пых-пыхи держали огромный трофей,
Они на подобии дутых мячей.
Медленно к берегу туша плыла.
Два трактора мощных пришли из села.

Упругих тросов подали концы,
Их закрепили на туше ловцы.
Взревели моторы, лязг гусениц.
Вышла вода из прибрежных границ,
На лайде она прибором кипит.
Большую подлодкой вынырнул кит.
Красавец гренландский кит голубой.
Будут Большие Танцы зимой.

8

Сон в снегу

Два месяца лета, и снова зима.
И снова рождается песня сама.
Я, как в перине, в тёплом снегу
Пережидаю сутки пургу.
Сплю и не сплю, сон вижу и нет.
Как наваждение этот портрет:
Нос кулика, а очи совы.
«Забыли меня, – пищит, – видно, вы?»
И я просыпаюсь в тёплом снежке.
Приснятся же эти кости в мешке.
Опять засыпаю, а вроде дремлю:
И шепчет она мне: «А я вас люблю».
И прижимается тёплой щекой.
Глаза открываю: вожак лижет мой
И щёку, и нос... Я кричу ему: «Прочь!»
И снова дорога в полярную ночь.

9

Побег

В оленном стойбище Илик
Беда. И я узнал,

Что в Пятистенном ученик
Из школы убежал.
Что поиск в тундре третий день,
Пропал совсем малец.
«Найди, каюр, и твой олень», –
Упал к ногам отец.
Искал он, выбился из сил.
И я поднял отца,
Потом рубашку попросил
Нательную мальчика.
Понюхал сам и вожаку
Поднёс её под нос.
Всё понял и в ответ чихнул
На счастье умный пёс.

10

Поиск

Я вожаку свободу дал,
И медленно полдня
Он осторожно след искал,
Не пропуская пня,
Высокой кочки, бугорка,
Заноса меж камней.

И вот замёрзшая река,
И мчимся мы по ней.
И через два часа езды:
Протока, поворот.
И явно свежие следы
Ведут в знакомый грот.
Я сам рыбачил здесь не раз
И знаю, что над ним
Сооружён давно лабаз...
А вот он и Омрын!

11

Омрын*

Омрын поистине крепыш.
Ему двенадцать лет.
Упряжке удивился лишь,
Здоров, тепло одет.
Стоит, кривит упрямый рот,
На мужичка похож,
Как будто охраняет грот,
В руках сверкает нож.
«Амын етгык, и...и, инкэй!»** –
Приветствовал каюр, –
А ты ыннэн***? Ты будешь чей?
И отчего ты хмур?»
«Один, – мне отвечал Омрын, –
Из коравье**** семьи.
И племя наше Эрыквын*****.
Все стойбища мои».

* Омрын – крепыш.

** «Амын етгык и, инкэй – привет, мальчик.

*** Ыннэн*-один.

**** Коравье» – оленьей.

***** Эрыквын – стучащий камень. (чукотский язык).

Игра

«Тогда, однако, приглашай,
 Чего мы на ветру?»
 В уютном гроте пили чай.
 Я продолжал игру.
 «Омрын, прошу тебя помочь,
 Запутал меня путь,
 Гоню собак и день и ночь,
 Хотел бы отдохнуть.
 Быть может, ты подскажешь кров?»
 «Конечно, подскажу.
 Село у каменных столбов
 И даже покажу.
 На твоей карте будем вмиг
 С тобою мы к утру.
 Возьми, пожуй, вот жирный сиг
 Да ложкой ешь икру».

Ы - лнычатгыргын*

После еды Омрын изрёк:
 «Каюр, тебя спасу.
 Мне нужен рыженький зверёк,
 Похожий на лису.
 Теперь не знаю, как мне быть.
 Зверёк мной не добыт.
 А я пошёл лису добыть
 Своей гитиннэвит**».

* Ы-лнычатгыргын – любовь.

** Гитиннэвит – красавица.

И тут сдержался я едва,
Но глубже спрятал смех:
«Душа, Омрын, не голова».
И отдал лисий мех.
«Любви достойная цена,
Назвал бы», – прошу я.
«Любовь Романовна она,
Учителка моя».

14

Поёт Омрын

«Пройдут снега, пройдут дожди,
И радость сменит грусть.
Любовь Романовна, дождись,
Я на тебе женюсь.
Слова твои во мне звучат,
Твой голос чист – родник.
Из всех ребят, из всех девчат
Я трудный ученик.
Но только я не языком,
Душою всей кричу.

А у доски, вдруг, в горле ком,
И я стою, молчу.
На голове твоей коса.
И я тону в очах.
Сияньем северным лиса
Застынет на плечах».

15

Дом, где горит огонь
Светло. Четыре фонаря.
Уютом дышит печь.
И мы вошли, и у меня
Застряла в горле речь.
Она, она, что снилась мне
В руке держала мел.
Сердца стучали в тишине,
И класс весь онемел.
Но смело к ней шагнул Омрын
И протянул ей мех.
Как снег лавиной с горы,
Сорвался дружный смех.
Она подарок приняла
И вытерла глаза,
И у Омрына на щеке
Жемчужиной слеза.

16

Благодарность

И мынгы лгын* взяла мою,
Сказала: «Помню вас

* Мынгы лгын – рука.

И от души благодарю
И я, и весь мой класс.
Вы привезли меня сюда
Девчонкой, Муглювыи.
Пять лет. Года, года, года.
Бегут года мои...
А заведи-ка патефон,
Любезный Лелекай.
Поддай-ка кружечки, Антон,
Тыныл, на печке чай».
И таяла душа моя,
Горела мынгы лгын.
Героем оказался я
И найденный Омрын.

17

Мужской разговор

«Пойдём, Омрын, с тобой во двор».
«Что ж выйдем, Муглювыи».
«Давай продолжим разговор
Мы о твоей любви...
Ценю твой выбор честно я.
И одобряю. Да!
Но ей сейчас нужна семья.
Года, Омрын, года!
Из этой школы ты уйдёшь,
Окончив по весне.
Другую девушку найдёшь.
Она ж по нраву мне.
Возьми часы за уговор!
Ударим по рукам?!»

Два мужика, покинув двор,
Пришли к ученикам.
Часы показывал Омрын,
Среди девчонок сел.
А мне, а мне не до игры,
И я, и я запел.

18

Песня Муглювыи

Чукча у костра сидит.
Чукча на огонь глядит.
Чукча строит планы:
– Карашо бы тут в снегах
У оленя на рогах
Вырастить бананы.
Рядом с чукчею сидит,
На хозяина глядит
Верная собака.
– Карашо бы развести
И бананы принести
Девушке, однако.
Тундрой катится луна,
И сказала бы она,

Как огонь, краснея:

–Да, бананы – караши,

Сладость в них твоей души,

А любовь вкуснее.

19

Любовь Романовна

Глаза у Любы с поволокою,

До синевы в них глубина.

И в песне душу одинокую

Душой услышала она.

Звучало в песне что-то личное,

Так грели тёплые лучи,

Что губы яркие брусничные

Мгновенно стали горячи.

Он становился интереснее,

Не всякий мог душою петь.

И сердце, раненное песнею,

Не в силах было улететь.

Оно боялось и металось,

Усиленно гоняло кровь.

И безусловно соглашалось
Отдать свободу за любовь.

20

Бабочка в яранге

Светлая бабочка, белая в тёмной яранге.
На крыльях алмазных пыльца рассыпным серебром.
И, кажется, это с небес к нам спустившийся ангел,
Парящий бесшумно меж злом и добром.
А в тундре гроза разъярённым медведем косматым:
В глазах вспышки молний, рычание – гром.
В уютной яранге волнуется ангел крылатый –
Светлая бабочка к нам прилетела с добром.
Обрушился град на ярангу крупнее картечи.
И молния огненным пишет по небу пером.
Гроза заглушила не нужные споры и речи.
И жизнь наша тоже проходит
Меж злом и добром.

21

Молчаливые беседы

Вдали от сует нет ближе медведя соседа.
Разъехались дети, живут в областных городах.

Ведём со старухой молча в ранге беседы
И незаметно дряхлеем в посильных трудах.
Дряхлеет и наша родная Чукотка.
И рушится, как Валькумей, Иультин*.
Пришёл Абрамович, а с ним и палёная водка.
Начальник Чукотки, просторов больших властелин.
Теперь и собаки его, и олени,
Песцы, и киты, и нерпичий жир.
Теперь англичане-туристы
Бьют наших тюленей.
Едим вместо мяса
Мы фрукты с наклейкой «алжир».

22

Чаучу**

Омырн прилетал на своём вертолёте.
Теперь он в Чукотке большой человек.
Сказал откровенно: «Скудно живёте».
И предлагал переехать в Певек.
А если не нравится порт, то в Анадырь,
И новый коттедж обещал подарить.

* Валькумей, Иультин – заброшенные посёлки «призраки» в местах добычи и обработки олова. на Чукотке.

** Чаучу – богатый оленями.

Сказала Романовна: «Смены не надо,
А то Муглювьи перестанет творить.
Для душ наших город любой уже тесен.
Вот эту тетрадку в линейку возьми.
Прошу, напечатай хоть несколько песен.
Вы выросли все, я ж вас вижу детьми».
Курил чаучу головёшки-сигары,
Носил на запястье каюра часы.
А в небе Чукотском пылали пожары,
Песцом голубым, светом рыжей лисы.